

ЮРИЙ ОКУНЕВ

БИОМ

литературный конкурс

Проект особого
значения

12+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Юрий Окунев

БИОМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67769001

SelfPub; 2022

Аннотация

Без еды в космосе не прожить, но как быть, если пища, выращенная на орбитальной станции, захватывает эту самую станцию? Правильно – вызвать специалиста и попросить решить проблему. Даже если уже тридцать лет никто не знает, в чём её причина.

Юрий Окунев

БИОМ

«Ненавижу грибы», – думал Миша, глядя на результаты визуального контроля космической станции.

– Может, сразу её, это, – он сделал движение рукой, словно что-то летит, а потом медленно падает вниз. И сгорает в атмосфере. С лёгким шипением.

– Афанасьев, мы можем принять радикальные меры, если ты готов компенсировать расходы на Марсианскую миссию и вернуть станцию с Луны. Не говоря про все эти частные лавочки, что производят чипы на орбите. Готов?

Перед Мишей стоял друг его отца подполковник Алишер Танатов. Серьёзное лицо серьёзного начальника. Главой космодрома кого попало не поставят.

Миша открыл было рот, но Алишер Александрович добавил:

– И китайцам объяснишь, почему это мы решили прервать долгосрочный проект без весомого обоснования. Ты же понимаешь, что если мы уроним одну оранжерею, – он указал пальцем на планшет, – то придётся избавляться от всех остальных модулей. А мы ведь уверили коллег, что всё будет в порядке!

Миша закрыл рот и молча углубился в документы.

До взлёта на орбиту оставалось чуть меньше четырёх ча-

СОВ.

Ещё утром Михаил Афанасьев по кличке «Ботаник» сидел в столовой и ел варёную картошку без ничего. Почему? Потому что блюдом дня были грибы, и их добавили во всё. А Миша их терпеть не мог, спасибо папе – заядлому грибнику.

Однако, отсутствие лишних тарелок на столе – не повод сохранять пустоту. К Афанасьеву быстро подсел его помощник Йохан.

– Гутен тагх, Михаил. Я с расчётами. Точность до сотой процента. – Он произносил некоторые буквы так жёстко, что казалось, будто он рубит своим тихим голосом полоски металла.

Миша проглядел отчёт на планшете и покачал головой: Йохан с такой лёгкостью оперировал сложными вычислениями, что даже некоторые компьютеры не могли его опередить, в том числе те, что выращивали на орбитах. Он переставлял элементы матриц, делал подстановки так, что проректор по научной части как-то назвал это «метафорической математикой».

Возможно, причиной этого было уникальное сочетание культуры и генетики: на Мишу внимательно смотрел воспитанный в немецкой инженерной семье генетический китаец. А они, говорят, с цифрами на ты. Нихау, яволь.

Миша снова погрузился в цифры. После пяти минут он вздохнул, перекинул несколько значений в другие клетки,

выстроил график и показал Йохану:

– Посмотри, у твоей модели совпадение в середине диапазона и почти – в начале. Но дальше – опять расхождение.

– Не может быть. Модель точная – скопирована с прототипа, как просил.

– Что-то мы не учитываем, – Афанасьев уже смотрел в окно столовой, пытаясь понять, что же они упускают.

Вот уже тридцать лет они не могут найти причину утечек из БИОМа – Большой Искусственной Оранжереи Межпланетной. БИОМ позволил системно и качественно выращивать продукты питания для печатающих чипы станций на орбите, на Лунной базе, и на него возлагали большие надежды при длительном освоении Марса.

Однако, постоянно происходили утечки воды. Меняли материалы, меняли давление, меняли угол установки. На Земле аналогичные конструкции держались годами без коррозии, а в космосе, почему-то, растекались.

И Миша уже третий в очереди тех, кто надеется проблеме решить. Не вторым временным контуром, который собирает вытекающую по капле воду, а нормально, чтобы работало, как запланировали.

– Ботаник! – выдернул его из размышлений громкий голос. – О, проснулся! Афанасьев, тебя проректор вызывает, срочно. Надеюсь, тебя там линчуют за затягивание проекта.

Над их столом завис Макс Грильяжный. Сладкая фамилия компенсировалась кислой рожей и ядовитым сарказмом:

Мишина команда опережала график разработки новой программы на четыре месяца.

– Что там случилось? – спросил Йохан. – Может, наградить решили?

Единственная слабость Йохана – желание получить значимую премию, как кто-то из его предков.

Грильяжный не скрываясь хмыкнул:

– Ага, догонят и ещё наградят.

– Макс, успокойся.

Миша редко повышал голос. И сейчас не стал. Но почему-то и Макс, и Йохан вжали головы в плечи. «Наверное, поэтому его назначили начальником», – подумал немец и пошёл вместе с Мишей к начальству.

– Эй, стой! – Максим крикнул им в спину. Парни повернулись. – Сказано: только Афанасьев. Остальным – вернуться к работе до последующих указаний.

Йохан с Мишей переглянулись.

– Яволь, – пожал плечами немец с китайскими корнями и пошёл в лабораторию. А Миша – к проректору.

На космодроме заканчивали подготовку перед стартом. Мишу одели в защитный костюм, провели последние анализы. Давление в норме, пульс слегка превышен, сахар и остальные показатели крови – «как у космонавта».

Несмотря на то, что космос оставался в большей степени необитаем, количество людей, побывавших в нём, быстро

росло, в первую очередь благодаря коммерческим мини-заводам на орбите. Уже несколько детей родились прямо на Лунной станции, несмотря на рекомендации врачей избегать таких экспериментов. Но матери, что с них возьмёшь... Да и перегрузки полностью никто не компенсировал.

Поэтому Миша, как постоянный участник исследовательских проектов связанных с космосом, был обязан раз в полгода проходить лётную подготовку.

– Я бы отправил твоего деда, – сказал Танатов Мише после облачения в костюм. – Но он уже не переживёт взлёт. Хотя ему и стоило бы поглядеть на свои недоработки.

– Оставьте. Он сделал всё, что мог, – спокойно ответил Афанасьев, и даже подполковник сдержался от следующей колкой фразы.

– Заходи, Михаил. Не стой на пороге.

Алексей Андреевич, проректор по научной работе проекта БИОМ института Кибернетики и Космической Экспансии, позвал Мишу из-за приоткрытой двери в кабинет. Афанасьев вошёл и встал за креслом для посетителей.

– Пожалуйста, закрой дверь, – попросил проректор и с нажимом добавил. – И садись, пожалуйста.

Миша плотно закрыл дверь, вернулся к креслу, немного постоял и только после этого сел.

– Слушаю.

– Есть проблема. – Алексей Андреевич вытащил из стоп-

ки бумаг одну папку, достал листик. Изучил несколько строк. – Да, у нас проблема.

Миша откинулся на спинку и сцепил руки на животе. Всё-таки выяснили.

– Прошу простить, что сделал это без вашего ведома, – сухо сказал Афанасьев.

Проректор положил листик на стол и внимательно посмотрел на Мишу.

– Продолжай.

– Нам нужны были точные данные для модели, поэтому я без разрешения расконсервировал один из испытательных БИОМов первого поколения. Результаты предоставлю завтра, а ответственность беру полностью на себя.

Миша выдохнул – в груди стало легче. Теперь он с детским задором смотрел на собеседника, ожидая наказания.

– Так, – проректор вытащил из-под другой груды уже пожелтевших бумажек телефон. – Пётр Васильевич? Да, вы правы, ещё рано, но я по делу. Проверьте, пожалуйста, лаборатории семнадцать и двадцать три. Да, где стенды. И доложите о том, что увидите.

Он положил трубку на стол, достал из кармана платок, вытер лоб.

– Что же ты делаешь, Миш.

– Алексей Андре...

– Помолчи. Это же административка. С риском отчуждения тебя от научной работы! А с твоим профилем – это недо-

пустимо! Ставишь под удар не только себя, но и весь институт! А ведь на нас...

– ...возложена большая миссия, – закончил за проректора Миша. – Знаю я. Но согласование занимает до двух месяцев. А данные нужны были вчера.

– Ох, Миша, ты даже не представляешь, как ты прав.

Алексей Андреевич снова взял листик, который изучал вначале, заглянул в него и... усмехнулся.

– Что ж, значит, будет тебе наказание. Чтобы неповадно было.

Миша насторожился: слишком весёлым стал голос проректора.

– Готовься, Миша, к командировке.

– Опять в степь? – кисло спросил Афанасьев.

– Нет, – засмеялся Алексей Андреевич. – Полетишь в космос. Продолжишь свои исследования. Понял, Ботаник?

– Понял, дедушка.

Миша проглядывал старые документы и с удивлением, даже некоторым умилением, разбирал сканы первых набросков от руки. Он прямо видел, как шла мысль деда и его команды, как они разрабатывали тот самый первый БИОМ, какие решения уже были, а какие пришлось выдумывать с нуля. Как обходить ограничения на поставки ламп, как изолировать стенки, снижать вес конструкции, повышать внутренний объём.

В итоге вышла та самая «Большая Искусственная Оранжерея Межпланетная» – платформа, заточенная на выращивание культур в космосе в отдельных боксах и целых оранжереях внутри модулей «Энергии».

Тогда ещё было не до межпланетных полётов, Луну только-только планировали освоить, но некоторые, такие как дед, смотрели в будущее. И что? Спустя всего несколько десятилетий технология не просто пригодилась. Она стала неотъемлемой частью космического научного, технологического и инженерного комплекса.

И первыми в БИОМ поселили именно грибы.

– Ненавижу грибы – тоскливо протянул Миша за час до старта. – Почему не креветки?

Потому что белок. Сейчас было даже любопытно читать, что изначально разработчики планировали поселить в БИО-Ме креветок и только предварительные расчёты показали, что там получается целый букет венерических, простите, прагматических слабостей. Поэтому было решено взять растения и грибы, желательно – максимально неприхотливые виды: шпинат, цикорий, шампиньоны. Со временем удалось вырастить и более привычные картошку и даже помидоры, но это оставалось невыгодно. Лучше уж заморозку и кетчуп загрузить на станцию...

– Готов, Афанасьев? – к нему подошёл Танатов. – Вот самая свежая сводка. Стыковочный шлюз свободен, а значит, без проблем подсоединишься. Хотя бы пути отхода штатские

сохраняют в порядке. Слава богу, что данные не нужно у них вручную запрашивать – иначе совсем бы погрязли в бюрократии... Первое окно назад через сутки, второе – примерно через трое. Запас еды и воды берёшь с собой, но если приспичит – можешь продегустировать плоды ваших трудов и на орбите. Да и ждут тебя.

Он пошёл отдавать последние приказания, а Миша посмотрел на планшет:

– Вот такая вот утечка.

В космосе его ждал БИОМ, полностью захваченный грибами.

Ускорение вжало в кресло, дыхание спёрло, тело, вместе с корпусом ракеты, дрожало то ли от страха, то ли от возбуждения. Моргнуло синим, белым. Миша закрыл глаза – слишком давило. А потом резкое «ха» и тело вслед за ракетой расслабилось, освободилось от лишнего – автоматика отчиталась об отходе ступени.

После очередной разгон и выход на траекторию стыковки. Космический корабль замедлился, закружился и, как пушинка на космическом ветру, полетел по орбите. Раздался щелчок, и человека выпустили из кресла. Он оттолкнулся ногами и первым делом подлетел к иллюминатору. Невесомость всегда была испытанием для организма, но даже полная дезориентация не мешала стремлению выглянуть за окошко.

Там же зависла Земля: всё ещё большая, но уже на уважительном отдалении; покрытая периной облаков и вихрей, она плыла в бескрайней темноте. Голова у Миши кружилась от перегрузок, от невесомости и, конечно, от вида. Есть вещи, которые приводят в восторг и заставляют сердце биться быстрее всегда. Вид на планету – одна из этих неизменно прекрасных вещей.

Он провёл у иллюминатора около часа, наблюдая, как его корабль «налетает» на линию между днём и ночью. Насладившись тем, как планета покрывается паутинкой жёлтых линий освещённых городов и трасс, он отлетел к дежурному шкафу, достал пару консерв и бутылочку сока перекусить. Отвернулся от бдительного ока видеокамеры, выдавил небольшие шарики напитка в воздух, после чего поймал их ртом, следя за тем, чтобы не испачкать казённое имущество.

Миша снова вернулся к иллюминатору и снова следил за световыми линиями на поверхности. Огромные города раскинули свои светящиеся сети на многие километры. Один город перетекал в другой, заливая ядовитым, до сих пор чуждым, светом пространство.

Иногда в сторону большой темноты уходили отдельные щупальца, которые постепенно истончались. Они словно пытались пробить новый световой туннель, разогнать темноту, но древняя ночь не позволяла им победить окончательно. Но, несмотря на давление, тонкие линии подсвеченных трасс соединяли между собой разрозненные паутины, созда-

вая единую сеть света по всему матеруку.

«Большой живой организм. Единый, неделимый», – подумал Миша, после чего отправился спать. До стыковки было ещё несколько часов.

– Какого лешего?

Стандартная станция по производству кристаллических чипов, способная обеспечить жизнь и работу команде из пятнадцати человек, встретила Мишу мягкой стыковкой снаружи и совершенно невообразимым матом внутри. И фраза про лешего была самой милой и, как бы так сказать, реалистичной.

Внутренности переходного модуля походили на филиал Зангармарш из старой игрушки, которую когда-то Мише показал дедушка. Тогда они проводили время не только, как начальник-сотрудник.

Грибы, натурально, росли везде: на стенах, на потолке, местами – на полу. Если так можно сказать про станцию в невестомости. Поэтому выплывший откуда-то из «грибных зарослей» человек казался настоящим лешим – хранителем леса.

– Повторюсь, молодой человек, какого лешего вы здесь делаете?

– Пришёл спасать вас, эм, станцию от этого, – Миша обвёл руками пространство, – засилья белковой формы жизни.

– Ботаник. Понятно, так и запишем. Ну, проходи, гостем будешь.

«Леший» уплыл назад, напоследок махнув рукой в сторону – там находилась «гардеробная» для скафандров. Роборуки помогли снять тяжёлую одежду, поставили батареи на зарядку, а ёмкости с воздухом на пополнение.

Миша понаблюдал в иллюминатор станции, как внешний робот-погрузчик достал припасы, привезённые вместе с Мишей: еда, вода, воздух и, конечно, сырьё для печати тех самых чипов, на которых сейчас работала самая продвинутая электроника планеты.

Афанасьев проплыл по станции, аккуратно касаясь шляпок грибов. На ощупь они казались обычными: шампиньоны и шампиньоны. Только количество поражало. Он оторвал один из них, и в руке оказался целый симпатичный грибок чуть закрученной формы. Несколько белесых волосков мицелия закружились по инерции вокруг руки человека.

– Где ты там? Мне долго ждать? – раздался возмущённый голос, и Миша отправился дальше.

За очередным шлюзом, рядом с которым грибы ещё (или уже?) не росли, он попал в обычный жилой модуль. В его дальнем конце был ещё один шлюз, который явно вёл в производственные и иные служебные помещения. А эта «комната» служила своего рода сторожевым постом между дорожущими чипами и вездесущими, пусть и съедобными, грибами.

Мишу уже ждали двое: «леший», который, судя по нашивкам, был бортмехаником и капитан космического аппарата. Капитан и начал:

– Доложите: кто вы и почему прибыли на доверенную мне территорию?

Миша оглянулся назад, будто надеясь, что Танатов увидит и ответит на его немой вопрос. Но подполковника там не оказалось и вздохнув Миша уточнил:

– Вы не в курсе кто я и зачем прилетел?

– Я не видел вас в графике, – ответил «леший». – Сейчас должна была быть чисто автоматическая доставка и всё. А через неделю – смена состава. Наконец.

– А вы ничего не заметили, – Миша неловко обвёл руками пространство, – странного на станции?

– Не дури, мальчик, – вполне спокойно ответил капитан. – Мы давно просили помочь нам с этими чёртовыми грибами. Выполняли рекомендации с Земли. Но, как видишь... Так что давай уточним: кто же ты, путник?

Миша полез в нагрудный карман, достал удостоверение.

– Михаил Афанасьев, Институт Кибернетики и Космической Экспансии. Старший научный сотрудник. Специалист по БИОМу. Согласно приказу подполковника Танатова прибыл разбираться с проблемой лично.

Капитан взял документ, изучил сам, передал «лешему». Тот посмотрел на просвет, открыл планшет, вбил что-то в поиск.

– Действительно, такой есть. Почему тогда нас не предупредили?

– Может быть, в спешке забыли? – неуверенно предполо-

жил Миша.

– Вечно о нас забывают. А ведь есть стандартная процедура уведомления, отчётность. А с нас требуют и к каждой опечатке придираются, – проворчал капитан и представил: – Дмитрий Войтын, исполняющий обязанности капитана. И наш бортмеханик – Ибрагим Вайзман.

«Леший» махнул рукой и протянул планшет Мише:

– Распишись о прибытии здесь и здесь.

Миша быстро прочитал одну страницу, пальцем накалякал подпись, прочитал вторую и замер.

– Тут сказано подписаться после «инструктажа по безопасности»...

– Не парься, – ответил Ибрагим.

– А как же отчётность, придирки к опечаткам? – аккуратно уточнил Афанасьев.

«Леший» злобно глянул на визитёра и противным голосом начал медленно зачитывать стандартную инструкцию по безопасности. Его речь тянулась и тянулась, закручивая свои заунывные щупальца вокруг сознания Миши. Но лучше уж так, чем прищемить палец и оказаться виноватым только потому, что не в том месте поставил подпись.

Когда Ибрагим закончил с мучением инструкцией, Миша взял планшет и поставил подпись. Он попросил провести его на место работы. Капитан махнул рукой и молча полетел вперёд. Миша тоже промолчал о том, что в планшете входящие сообщения стояли целой очередью. Среди них

виднелась и его фамилия. Просто кто-то не открывал почту больше недели.

– Как дела, Ботаник? – Через шлюз влетел капитан и осмотрел помещение. – Пока успехов не видно. Водички принести?

Миша покачал головой и продолжил изучение очередного бокса. БИОМ состоял из множества отдельных боксов-«аквариумов», в которых росли растения. Они существовали практически независимо, и только общая рука-манипулятор доставала их с насиженных мест для полива, удобрения и сбора урожая. Свет, насыщение кислородом и датчики контроля находились в каждом таком аквариуме.

Сначала он рутинно проверил манипулятор, хоть и знал, что здесь всё давно изучено и уточнено. Заглянул во вторичный контур, прорезиненный рукав, собирающий нано-капли воды со всех боксов для последующего испарения у генератора и возвращения в систему жизнеобеспечения. Сейчас он превратился в подобие общего водоёма, куда стекалась вода, тайно выходящая из неизвестных никому щелей. Сначала это было просто «костылём», а постепенно стало рассчитываться как часть конструкции.

И сейчас именно эта «река», по мнению Миши, и служила отличным путепроводом для испаряющейся в воздух влаги и активных шампиньонов. Даже плесень не могла соревноваться в жизнеспособности с этими грибами. Не говоря об

остальных растениях: даже в тех боксах, в которых по техническому расписанию должны были расти другие виды, сейчас уютно гнездовались шампиньоны. Получается, что они не только смогли вылезти, но и залезть обратно...

– Ботаник, мы отбой. Когда решишь отдохнуть, заходи потише – у капитана чуткий сон, – Ибрагим заглянул к Мише и осмотрел заросли. После чего тихо добавил: – А закуска из них вполне ничего. Будет совсем грустно – попробуй. Но без протокола.

Он показал на планшет в руках Миши, подмигнул и уплыл. БИОМ погрузился в ночную тьму. Грибам то без разницы, но вот другим растениям нужен цикл дня и ночи, не говоря про человека.

«Ботаник», – подумал Миша, продолжая вбивать данные в планшет, отсылая свежие цифры Йохану на Землю. А ведь он совсем не ботаник. Он инженер-проектировщик, руководитель. А ботаник ровно настолько, чтобы понять, чего от него хотят начальники и исполнители. Кликуха досталась ему по наследству от отца, а тому – от деда. Хотя из них троих только отец был действительно с нужным образованием. Возможно, именно из-за него дед разрешил папе взять в жёны свою дочь.

Пикнул планшет. Миша открыл сообщение и выматерился.

«Михаил, эти цифры не сходятся с тем, что нам присылали раньше. И тем более с тем, что происходит на земле».

Приложенный график, который сам Афанасьев построил утром, но уже с подставленными новыми значениями начал изгибаться ещё больше. И в нём появился всплеск, экстремум, которого не было раньше.

«Пойду проверю кое-что», – ответил Миша, заблокировал планшет и выплыл в жилой модуль. Принял душ (звучит обыденно, но как странно смотрятся пузыри воды, прилипшие к телу), перекусил из своих запасов. А после прокрался в спальную часть, где, закреплённые в космических гамаках, спали капитан и бортмеханик.

Нужная ему вещь, что удивительно, находилась там, где и положено по уставу – на зарядке прилепленный к стене. Миша аккуратно взял планшет и разблокировал его, ввёл легко подсмотренный пароль. Экран максимальной яркостью осветил весь модуль и временно ослепил Мишу. В гамаках завозились, и Миша быстро выключил планшет. Команда станции успокоилась и затихла.

Отсоединив кабель, Миша выплыл из спального модуля и снова разблокировал планшет. Снизил яркость до приемлемой, зарылся в отчёты. Система сильно тормозила, медленно открывала окна. Не удивительно: в трее висело с пару десятков программ, от записной книжки до всех трёх игр, официально разрешённых на казённых планшетах.

Но Мише нужны были цифры. А они не радовали. Со всем. Как может радовать копи-паста с минимальными хаотичными изменениями?

– А где автоматические данные? Там же датчики?

Миша зашёл в программу-интерфейс БИОМа и понял проблему:

– Вы что, забыли пароль?

Поле посредине требовало разблокировки, а в верхнем углу висел номер обновления. Судя по цифрам, апдейт не качали минимум месяца три.

– Эй, ты что творишь? – раздался резкий голос капитана Войтына. В руках он сжимал табельный шокер. Миша не знал от каких пришельцев им планировали отбиваться, но по уставу старший офицер станции носил оружие.

– Простите за научный интерес!

– Я тебе сейчас покажу научный интерес! – Войтенко подлетел ближе и выхватил планшет из рук Миши. – Ты и пароль взломал? Ох, ну и нажил ты себе проблем.

Он наставил на Афанасьева шокер и указал двигаться в сторону стыковочного шлюза. На секунду Миша испугался, что его выкинут прямо в космос. Даже на корабле, но не в нужное время – это смертельно опасно. Но капитан станции завёл его в «гардеробную» и приказал приковать себя наручниками к роботу.

– Посиди, подумай. А я доложу Танатову о твоих нарушениях, Ботаник!

– Пока вы не ушли, – сказал Миша тихим голосом, от которого Войтын вздрогнул, – и пока не пришло время возвращаться, скажите, почему вы отключили автоматический

сбор данных?

Капитан открыл рот, закрыл и отвернулся.

– Я так понимаю, вы забыли пароль. Бывает, все люди. Но почему не запросили обновление?

Войтын молчал. Поэтому Миша продолжил:

– Предположу, что это как-то связано с отчётностью и наказанием за ошибку.

– Предыдущая смена, – оглянувшись на Мишу, вдруг сказал капитан. – Они забыли пароль. А я принял корабль, не проверив...

– И вот за это, видимо, следуют какие-то санкции?

Капитан, присев у противоположной стены, кивнул. Миша не стал уточнять, что выживаемость станции, которая стоит миллиард и производит оборудование на ещё большие суммы – это вполне достойная причина для санкций. Хотя капитан выглядел так, словно его после возвращения ждёт не гауптвахта или штраф, а смертельная казнь максимально унижительным способом.

– Мне кажется, мы можем друг другу помочь. – Войтын с лёгкой злостью посмотрел на Афанасьева. – Ничего противозаконного! Вы просто помогаете мне сделать мою работу, ради которой я прибыл, а я сделаю так, чтобы недоразумение с паролем осталось в прошлом. Незамеченным. Идёт?

Капитан встал.

– Получил? Хорошо, работай теперь с этим. И да, запроси

для меня новый доступ. Я накосячил, не хочу подводить людей, – Миша говорил по громкой связи с Йоханом, отдавая указания по вычислениям и подмигивая Войтыну.

– Михаил, будь осторожен. Даже с твоими связями не всё сходит с рук, – как всегда рублено отвечал помощник.

Капитан хмурился, но молчал весь разговор.

– Спасибо, жду пароль. И твоих расчётов. Отбой.

Связь оборвалась и капитан забрал аппаратуру.

– Ненавижу эти игры.

– Какие игры? – не понял Миша, уже переключаясь на свои проблемы.

– Вот эти, подковёрные, политические. Нужно отрастить щупальца, научиться хватать нужных людей за шею незаметно для всех, а потом наблюдать, как эти щупальца торчат из всех щелей. Как эти чёртовы грибы!

Он вырвал несколько крупных шампиньонов из стены и, бросив их плавать в пространстве, стремительно вылетел из оранжереи.

– У грибов нет щупалец, – прокомментировал вслед Миша.

Он подобрал летающие шампиньоны, посмотрел, как они лихо закручиваются вокруг своей оси.

«Возможно, по ходу вращения станции», подумал Миша. Его мысли прервало сообщение:

«Пароль в приложении. Цифры считаю, скоро будут. Пока отдохни. Голос звучал уставшим».

Заботливый Йохан. Точнее – практичный. Он знал, что невыспавшийся Миша – худшее наказание для всего проекта. Вздохнув, принимая правоту помощника, Миша полетел в предложенный ему гамак. «Леший», он же Ибрагим, так и не проснулся и сладко посапывал в своём.

Спустя несколько минут сон сомкнул веки человека, и снились ему грибы, летающие по космосу, Танатов, отдающий приказ сбить оранжерею и он сам – Миша Афанасьев, который сгорает в этой оранжерее, попутной сбегая от Войтына и Ибрагима, подчинённых сверхразуму грибов. Людей оплетали склизкие щупальца, которые торчали из ушей и изо рта. Они руководили людьми как марионетками, и во сне Миша понял, что именно поэтому никто не знал о поломке, об отсутствии данных, а сами грибы в этом время плодились-плодились-плодились, шевеля своими мерзкими щупальцами...

Проснулся Афанасьев разбитым, сонным и раньше всех. Выполз из гамака и протёр смоченным полотенцем опухшее лицо. Выплыл из жилого модуля, оторвал несколько ближайших к шлюзу грибов:

– Щупалец нет. Радует.

Приставил их на место, и те легко прилипли назад. Миша поплыл в оранжерею, сел у очередного «аквариума», оглядел его со всех сторон.

– Подождите... щупалец-то у них нет, но у них есть... чёртов мицелий! Грибница!

Он вернулся обратно в чистую часть станции и начал ощупывать головы людей. Разумеется, капитан и бортмеханик проснулся от столь бесцеремонного вторжения в своё личное пространство.

«Ты с ума сошёл?» – так вежливо можно было расшифровать весь поток звуков, что издали обитатели станции. До рукоприкладства спросонья они не додумались.

– Ничего нет. Значит, не зомби, – прошептал Миша.

– Зомби здесь только ты, – ответил Ибрагим. – Осталось понять: из какой могилы ты вылез, Ботаник

– Точно! – закричал Афанасьев.

– Что «точно»? – Капитан потянулся за шокером, но Миша не обратил на это внимание.

– Какой состав удобрений? Стандартный! Ничего не меняли? – Миша выставил палец и задал вопрос своим классическим голосом управляющего.

– Всё по штатному расписанию: что с Земли привезли, то и загрузили! – отчитался Леший.

– Отлично! Так, где у нас запасные лампы для работы с дневными растениями?

Ему показали лампы и он, схватив пару штук, покрутил настройки.

– Вот и пригодилась экономия, дедушка, вот и пригодились многофункциональные лампы. Бери что есть и используй как надо, да, дедушка? – разговаривал сам с собой Миша, под удивлёнными взглядами команды.

Наконец он потребовал выключить верхний свет и врубил свои лампы. Однако, вместо жёлтого, синеного, красного или даже белого поляризованного света, комнату залил ультрафиолет.

И оранжерея преобразилась.

Металлические стены, прозрачные аквариумы, серые шапочки грибов – все превратилось в синевато-зеленоватые созвездия. Почти все внутренности станции теперь сияли, создавая скопления света из крупных скоплений грибов, соединённых узкими дорожками грибницы с другими такими же «семействами».

– Фосфорные удобрения. – Миша покачал головой. И чёртов мицелий.

Самых больших и ярких «созвездий» было три – по числу пробоев во втором контуре. Хоть в этом отчётность не наврала.

Спустя полчаса команда станции ушла «лечить стресс», а Миша под ультрафиолетом принялся изучать боксы-аквариумы. А ещё через пару часов он нашёл ответ на вопрос, который не могли решить тридцать лет.

«В связи с отсутствием гравитации, клетка грибного мицелия (грибница) утончилась и стала более эластичной. Ей удалось проникнуть в нанометровый зазор между элементами конструкции. Её толщины не хватало на полноценный рост, но позволяло постепенно выводить влагу за пре-

дель бокса. В итоге это создало удобное пространство для экспансии. Воспользовавшись недосмотром обслуживающего персонала, грибы расплодились не только во вторичном контуре, но и проникли через те же нанометровые отверстия в боксы с другими растениями. Фото результата в ультрафиолетовом диапазоне прикладываю».

Миша закончил с отчётом и сохранил его на своём планшете. А Йохану скинул ещё одну фотку с комментарием: «Зацени». Даже если она дойдёт только после приземления, эффект от этого меньше не станет.

Зато настоящие ботаники уже предложили три варианта решения, как избежать такого агрессивного поведения грибного мицелия. Чудесно.

Посадочный модуль выходил на траекторию над ночной стороной планеты, а Миша наблюдал, как грибница света охватывает планету. Где-то они сияли ярко и плотно, а где-то тускло освещённые трассы почти терялись в первобытной темноте, чтобы потом неожиданно вынырнуть у следующего скопления огней.

Такая же плотная, но невидимая грибница охватывала институты, организации и людей. И можно было бы попробовать бороться с ней, но неизбежно создавать новую паутину – заметную или не очень.

А можно было попробовать уйти в первобытную тень, где никто из паутины не сунется и не узнает, что происходит на самом деле. Создать небольшой безопасный, отсечённый от

других биом.

Но нужно ли это? Миша вспомнил деда, их институт, собственные проделки внутри системы. Усмехнулся и в последний раз перед посадкой посмотрел в иллюминатор: с космоса этого не видно, но где-то внизу есть блуждающие огоньки машин, которые являются частью системы, но при этом едут по своему маршруту. Они не боятся свернуть в темноту, поискать другую дорогу, чтобы потом вернуться на трассу и потеряться в огромном скоплении огней городов.

Зачем менять биом, если можно стать блуждающим огоньком?